

Революционные
войска
у Бранденбургских
ворот

ДАТА

Уроки ноября

В ноябре исполнилось 100 лет с момента Ноябрьской революции в Германии. О том, как сегодня немецкое общество воспринимает это событие, в своей статье для «Д» рассказывает научный сотрудник МГИМО МИДа **Артем Соколов**.

Артем
Соколов

Юбилей Ноябрьской революции в Германии вызвал кратковременный, но яркий всплеск интереса к этому событию немецкой истории со стороны политиков и журналистов. Многочисленные публикации в газетах вспоминали о первых днях первой немецкой демократии, стремясь поставить их в тот или иной логический ряд истории Германии. Ноябрь 1918 года вспоминали и в Бундестаге, откуда 100 лет назад была провозглашена Веймарская республика. Между тем Ноябрьскую революцию сложно назвать популярным сюжетом в истории Германии. Этому есть несколько объяснений.

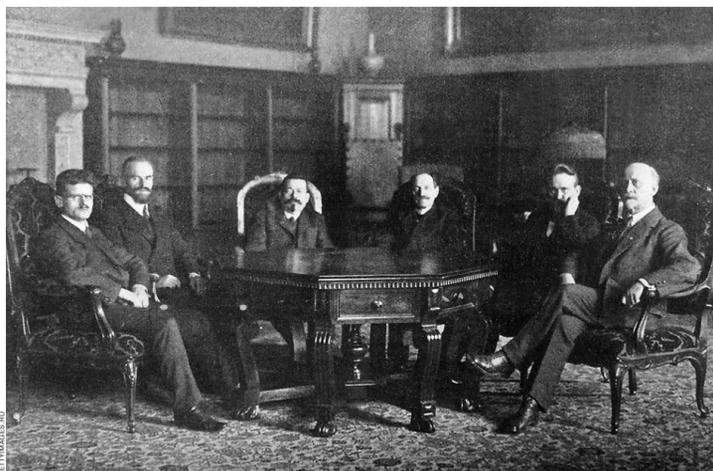
Во-первых, Ноябрьская революция прошла на немецкий манер — сдержанно и дисциплинировано. Накал борьбы сильно уступал по своему масштабу событиям в России, прошедшим годом ранее. Имевшие возможность сравнить Петроград в 1917 году и Берлин в 1918 году отмечали абсолютную непохожесть ситуаций в столицах двух империй. По словам одного из русских офицеров — очевидца двух революций, в характере ноябрьских событий в Германии «не было ничего „разухабистого“, дошедшего „до точки“ в уличных сценах», а «солдаты с красными флагами кричали и приветствовали толпы прохожих как будто нехотя, как будто исполняя обязанность, смысл которой неясен или цель сомнительна». Революционная волна в Германии не породила ярких образов или лидеров, оставшихся в этом смысле эмоциональным буфером между Первой мировой войной и Веймарской республикой.

Во-вторых, на протяжении всего XX века немецкие политики не стремились выводить родословную германской демократии из серых ноябрьских дней 1918 года, упоминая о них скорее вынужденно, чем по осознанному желанию. В веймарской «демократии без демократов» стремились подчеркнуть важность Национального собрания, выработавшего текст новой конституции (как оказалось, не самой удачной), оставляя боевые заслуги кильских матросов на заднем плане. В Третьем рейхе по понятным причинам говорить о 1918 году можно было только в контексте «легенды об ударе кинжалом в спину» и «ноябрьских преступников». Наконец, для послевоенной ФРГ опыт Веймарской республики воспринимался в качестве ущербной модели, ошибок которой необходимо избегать, и Ноябрьская революция автоматически становилась частью большой неудачной истории. Даже социалистическая ГДР была в первую очередь «восстановленной из руин» Второй мировой войны, несмотря на уважительное отношение к фигурам Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Революция 1918 года отталкивала консерваторов самим фактом своего существования и была несимпатична левым силам, для которых она оставалась слишком нерешительной.

Ангела Меркель предпочла не упоминать Ноябрьскую революцию напрямую

В-третьих, историки до сих пор спорят о том, можно ли называть Ноябрьскую революцию революцией в полном смысле этого слова. Отречение Вильгельма II было встречено народным ликованием, однако еще двумя годами ранее его фактически отстранили от дел стараниями «тихой диктатуры» Гинденбурга и Людендорфа. Большинство кайзеровских чиновников смогли относительно спокойно пережить напряженные недели на своих местах и продолжить работу в республике. Меньше повезло военной элите: именно в их воспоминаниях революция чаще всего изображается временем хаоса и беззакония. Однако и они в итоге смогли обеспечить собственное выживание — как физическое, так и политическое, в отличие от русских коллег. Политики, выдвинутые Ноябрьской революцией на руководящие позиции в Германии, стремились не столько провести реформы и социальные преобразования, сколько не допустить их чрезмерного углубления и радикализации. «Старый мир» слишком легко стал частью республики, обеспечив, по мнению многих исследователей, ее стремительный закат.

В итоге революция в Германии была вынуждена довольствоваться весьма скромным вниманием как со стороны профессиональных

Первый Совет народных депутатов — правительство Ноябрьской революции — составляли члены двух партий: Социал-демократической и Независимой социал-демократической

Солдаты и гражданские берлинцы на баррикадах революции

Революционный моряк держит речь на митинге берлинских жителей

историков, так и широкой общественности. По меркам насыщенной немецкой истории XX века она отошла в сторону перед мировыми войнами, национал-социализмом и германским расколом. Репутация «мертворожденной» окончательно закрепляла за ней низкий интерес исследовательского сообщества.

Тем не менее вековой юбилей Ноябрьской революции смог удостоиться особого внимания в ФРГ и не потеряться на фоне годовщины окончания Первой мировой войны и «Хрустальной ночи» 1938 года. Президент ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер произнес в Бундестаге продолжительную речь, посвященную годовщине революции. Начав свое выступление с революционного лозунга Филиппа Шейдемана «Да здравствует Германская республика!», он рассказал об уроках ноябрьских событий для современных демократических институтов ФРГ.

Штайнмайер подтвердил, что событиям ноября 1918 года уделяется мало внимания и их роль в становлении современной немецкой демократии еще предстоит оценить. Несмотря на короткий век Веймарской республики, ее опыт был использован политиками послевоенной Германии. Президент ФРГ отметил: «Мысли и поступки демократов веймарских времен простирались дальше первой германской республики. Основатели ФРГ, многие из которых сформировались в Веймарской республике, смогли после 1945 года опираться на свои знания и извлечь опыт из своих ошибок». Были процитированы слова авторитетного немецкого историка Генриха-Августа Винклера о том, что «Бонн не постигла судьба Веймара потому, что Веймар уже существовал».

Франк-Вальтер Штайнмайер напомнил депутатам Бундестага об уязвимости парламентской демократии, указав на то, что ее устойчивость не является предопределенной. За потенциальными источниками угроз в речи президента безошибочно угадывались действия партии «Альтернатива для Германии» и скандальная риторика Дональда Трампа. Президент ФРГ отметил: «Своими поступками мы должны доказать, что мы, немцы, уяснили для себя необходимость быть бдительными перед лицом нашей истории! Мы должны действовать везде, где нарушается достоинство другого! Мы должны выступать против голосов, призывающих к ненависти! <...> И кроме того, мы должны бороться за единство Европы и поддерживать международный порядок, который оспаривается даже нашими партнерами».

Любопытно, что Ангела Меркель, в свою очередь, предпочла не упоминать о Ноябрьской революции напрямую, обратив основное внимание на одно из ее последствий — введение избирательного права для немецких женщин. По мнению канцлерши, это было «фундаментальное политическое решение, которое было необходимо для равенства мужчин и женщин». Указав на то, что еще не все проблемы гендерного равенства нашли свое решение, она выступила за увеличение доли женщин в руководящих органах предприятий.

Могут ли уроки революционных событий столетней давности быть востребованными в современном немецком обществе? На первый взгляд сложно представить, какие точки соприкосновения можно найти у кайзеровской империи на излете своего существования и современной ФРГ. Однако призыв Штайнмайера помнить о том, что демократические парламентские институты не являются чем-то предопределенным и гарантированным, демонстрирует запрос на дальнейшее осмысление Ноябрьской революции и Веймарской республики. Начало первой немецкой демократии является такой же частью ее истории, как и ее бесславный конец.

В последнее время немецкое правительство все чаще вынуждено выступать с позиции «морального компаса» западного мира. Набор ценностей, ранее казавшийся неизбывным, теперь приходится защищать не только от волны популистов и идеологических оппонентов, но и от ближайших союзников, представлявших некогда образец для подражания. Германский истеблишмент озабочен растущей неопределенностью во внутренней и внешней политике. Беспорядки после резонансного убийства в Хемнице уже заставили журналистов провести красноречивые аналогии с веймарскими временами. В этих условиях пример «демократов первого часа» Веймарской республики может стать полезным дополнением для идейного багажа германских политиков.

Ноябрьскую революцию сложно назвать популярным сюжетом в истории Германии